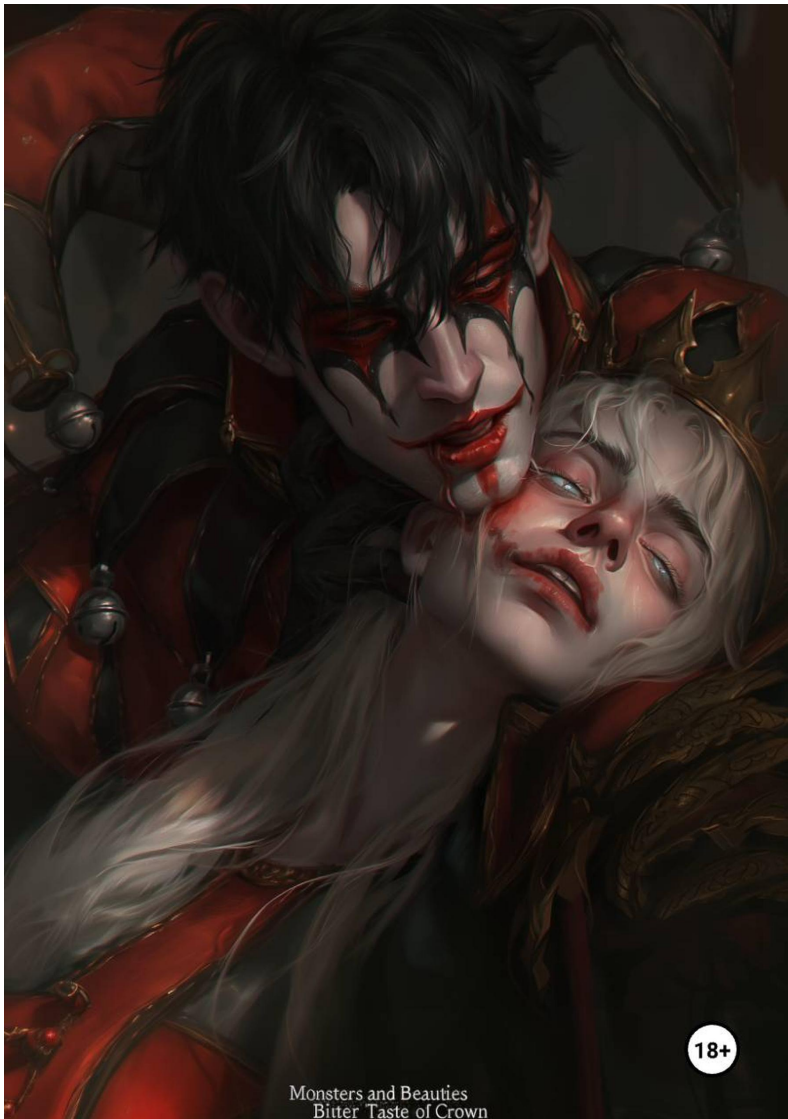

Monsters and Beauties
Bitter Taste of Crown

18+

Isolde Kane
The Bitter Taste of
Royalty/Горький привкус
королевской крови

*<https://litres.ru/74089898>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я очнулась в темнице, не помня, как оказалась здесь.

Последнее, что я знаю: моё королевство больше не принадлежит моей семье.

А человек, которого я ненавижу сильнее всего, теперь распоряжается моей судьбой.

Кай Морвейн.

Человек, чьё имя при дворе всегда произносили с насмешкой.

Шут.

Чудовище.

Предатель.

Теперь его имя произносят шёпотом, а за его спиной тянется кровавый след слухов, тайн и чужих страхов.

Он опасен.

Жесток.

Невыносим.

И почему-то именно он оказывается рядом каждый раз, когда я пытаюсь собрать осколки собственного прошлого.

Чем больше воспоминаний возвращается, тем сложнее понять, кто друг, а кто враг. Кому можно доверять. И что на самом деле произошло в ночь, изменившую всё.

Потому что некоторые тайны способны уничтожить королевство.

А некоторые — разбить сердце.

«Горький привкус королевской крови» — тёмная история о ненависти, одержимости и любви, которая отказывается умирать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пробуждение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Isolde Kane

The Bitter Taste of Royalty/Горький привкус королевской крови

Пролог

Тьма имела вкус железа и пепла.

Селеста очнулась от боли — острой, раскалённой, будто кто-то вонзил иглу прямо в центр её черепа. Она попыталась вдохнуть, но воздух был тяжёлым, сырым, пропитанным плесенью и старой кровью. Запястья горели. Цепи.

Она лежала на холодном каменном полу, прижавшись щекой к шершавой поверхности. Платиновые волосы разметались вокруг лица белыми змеями. Когда она наконец открыла глаза, мир был размыт, словно смотрела сквозь толщу грязной воды.

Где она?

Последнее, что она помнила — блеск хрустальных люстр, музыка, запах роз и вина. А потом звон.

Серебряные колокольчики. Близко. Слишком близко.

И голос. Низкий, бархатный, с той самой интонацией, от

которой у неё всегда бежали мурашки по позвоночнику.

«Селеста»

Не «Ваше Высочество». Никогда не «Ваше Высочество», когда они оставались наедине.

Она попыталась сесть. Цепи звякнули — грубо, безжалостно. Реальность медленно, как яд, просачивалась в сознание.

Темница.

Она в темнице.

Сердце заколотилось чаще. Селеста судорожно огляделась. Слабый свет факела за решёткой едва разгонял мрак. На стенах — старые пятна. На полу — солома, пропитанная чем-то тёмным.

И тогда она услышала шаги.

Медленные. Уверенные. Сопровождаемые тихим, почти ласковым звоном серебряных бубенчиков.

Он остановился перед решёткой. Высокий силуэт в чёрно-красном. Красная шутовская шапка с длинными концами слегка наклонена, будто он только что сошёл с какого-то дьявольского бала. Лицо скрыто полумраком, но она всё равно узнала эти глаза — чёрные, бездонные, полные чего-то такого древнего и болезненного, что у неё перехватило дыхание.

Кай Морвейн.

Королевский шут.

Её личный кошмар.

Мужчина, которого она должна была ненавидеть сильнее,

чем кого-либо на этом свете.

— Ты проснулась, — тихо сказал он. Голос был мягким. Опасно мягким. — Я уже начал волноваться.

Селеста отползла назад, насколько позволяла цепь. Спина упёрлась в холодную стену.

— Что происходит? — её голос звучал чуждо, хрипло. — Где я? Что ты сделал?

Кай наклонил голову. Колокольчики тихо звякнули. Он улыбнулся — медленно, почти нежно. Но в этой улыбке не было тепла. Только голод. Только годы, проведённые в аду.

— Я сделал то, что должен был сделать очень давно, Селеста.

Он шагнул ближе к решётке. Свет факела упал на его лицо: чёрные потёки грима, будто слёзы, и алая краска на губах, похожая на свежую кровь.

— Твои родители мертвы. Твой трон — мой. А ты

Он замолчал, глядя на неё так, словно она была единственной вещью в этом мире, которая имела значение.

— ты наконец там, где всегда должна была быть.

Селеста почувствовала, как внутри что-то рвётся. Страх. Ярость. И ещё что-то — тёмное, запретное, то, что она отказывалась признавать даже самой себе.

— Я убью тебя, — прошептала она дрожащим голосом.

Кай тихо рассмеялся. Звук был низким, бархатным и пугающе искренним.

— Знаешь, что самое страшное, Селеста? — он прижался

лбом к холодным прутьям решётки, не отрывая от неё взгляда. — Ты уже пыталась.

Он развернулся и ушёл, оставив за собой только тишину и слабый, затихающий звон серебряных колокольчиков.

Селеста осталась одна.

И в этой тишине, в этой сырой темноте, впервые за долгое время она почувствовала настоящее, животное отчаяние.

Глава 1. Пробуждение

Сознание возвращалось к ней медленно и мучительно, словно кто-то намеренно удерживал её на границе между беспмятством и реальностью, не позволяя окончательно вынырнуть на поверхность, и первое, что почувствовала Селеста, была боль — не резкая, не ослепляющая, а глубокая и тяжёлая, будто её череп наполнили расплавленным металлом, который теперь медленно растекался по венам вместе с каждым ударом сердца.

Она попыталась сделать вдох, однако воздух оказался настолько холодным и сырым, что лёгкие болезненно сжались, а в горле тут же появился неприятный привкус ржавчины, заставивший её поморщиться ещё до того, как глаза открылись окончательно.

Несколько долгих секунд она просто лежала неподвижно, ощущая под собой жёсткую каменную поверхность и стараясь понять, почему всё тело кажется чужим, словно принадлежит кому-то другому, кто провёл несколько дней в лихорадке, а затем был брошен на произвол судьбы в каком-то забытом богами месте.

Когда веки наконец поднялись, перед ней оказался серый потолок, покрытый сетью тонких трещин, уходящих в разные стороны подобно паутине, и именно эта картина первой заставила тревогу шевельнуться где-то глубоко внутри, по-

тому что ничего похожего она никогда не видела в собственных покоех.

Селеста медленно приподнялась на локтях, тут же ощущая, как мир вокруг начинает опасно покачиваться, а перед глазами вспыхивают тёмные пятна, однако заставила себя не останавливаться, продолжая оглядываться по сторонам до тех пор, пока каждая деталь окружающего пространства не сложилась в единую картину, от которой кровь застыла в жилах.

Каменные стены.

Железная дверь.

Узкое окно под самым потолком.

Следы сырости в углах.

И абсолютное отсутствие каких-либо признаков привычной жизни.

Она находилась в темнице.

Осознание пришло внезапно и жестоко, выбивая почву из-под ног гораздо эффективнее любой физической боли, потому что темницы существовали в страшных историях, которыми няни пугали детей, в рассказах о государственных преступниках и предателях короны, но никак не в её собственной жизни.

Сердце забилося быстрее.

Настолько быстро, что каждый удар отдавался в висках новой вспышкой боли.

Она вскочила на ноги, не обращая внимания на голово-

кружение, и почти бросилась к двери, цепляясь пальцами за железную ручку с такой силой, будто могла вырвать её вместе с креплениями, однако та даже не дрогнула, лишь холод металла болезненно впился в кожу ладоней, напоминая о том, насколько беспомощным было её положение.

— Есть здесь кто-нибудь?

Собственный голос показался ей чужим.

Слишком хриплым.

Слишком слабым.

Словно она очень долго не разговаривала.

Ответом ей стала тишина, нарушаемая только редким звуком падающих капель где-то далеко за стенами камеры, и именно эта тишина оказалась страшнее любого крика, потому что в ней было что-то окончательное, что-то напоминающее могилу.

Тогда Селеста попыталась вспомнить.

Последний бал.

Последний разговор с матерью.

Последний день во дворце.

Хоть что-нибудь.

Но стоило ей потянуться к воспоминаниям, как она натолкнулась на пустоту такой глубины, что на мгновение ей стало трудно дышать, потому что память, которая всегда казалась чем-то незыблемым, вдруг превратилась в разорванное полотно, от которого остались лишь случайные клочки.

Она помнила своё имя.

Помнила белые стены дворца.

Помнила запах розовых садов после дождя.

Но всё, что касалось последних дней её жизни, исчезло без следа, словно кто-то намеренно вырвал целые страницы из книги её памяти, оставив лишь отдельные фразы, обрывки чувств и смазанные тени воспоминаний, которые появлялись перед глазами лишь на мгновение, чтобы тут же раствориться прежде, чем она успевала ухватиться за них и понять, что именно пытается вспомнить.

Медленно опустившись на край узкой кровати, которую она заметила лишь сейчас, когда глаза окончательно привыкли к полумраку камеры, Селеста прижала кончики пальцев к вискам и закрыла глаза, пытаясь заставить собственный разум работать, пытаясь вытянуть из глубины сознания хоть что-нибудь, что могло бы объяснить происходящее, однако вместо долгожданных воспоминаний её встретила лишь новая волна боли, настолько резкая и неожиданная, что перед глазами вспыхнули белые пятна, а дыхание на несколько секунд стало прерывистым и тяжёлым.

Она не знала, сколько времени просидела так, согнувшись и пытаясь справиться с пульсацией в висках, потому что в этом месте минуты теряли всякий смысл, растягиваясь до бесконечности и превращаясь в нечто вязкое и бесформенное, где невозможно было определить, прошло несколько мгновений или несколько часов, а единственным напоминанием о существовании внешнего мира оставалась давящая

тишина, нарушаемая лишь редким эхом шагов, доносившихся из далёких коридоров подземелья.

Именно поэтому звук приближающихся шагов заставил её мгновенно поднять голову и насторожиться всем телом, потому что эти шаги не были случайными или торопливыми, напротив, в них ощущалась странная уверенность человека, который точно знает, куда идёт и кого собирается увидеть, а потому не испытывает ни малейшей необходимости спешить.

Они звучали размеренно и спокойно, постепенно становясь всё ближе, и чем отчётливее Селеста слышала их, тем сильнее внутри нарастало напряжение, которое невозможно было объяснить логически, потому что она понятия не имела, кого сейчас увидит, однако сердце почему-то уже начинало биться быстрее.

Щелчок замка прорезал тишину неожиданно громко, заставив её вздрогнуть и резко подняться на ноги ещё до того, как разум успел осмыслить происходящее, а через мгновение тяжёлая дверь начала медленно открываться, пропуская внутрь золотистый свет факела, который тут же растёкся по каменным стенам длинными дрожащими тенями.

А затем в камеру вошёл Кай Морвейн.

Сегодня на нём не было ничего, что напоминало бы о королевской власти, если, конечно, он действительно являлся тем, кем называл себя, потому что вместо роскошных одежд победителя он был одет в длинный чёрный камзол, застёг-

нутый до самого горла, тёмный плащ и перчатки из мягкой кожи, однако даже отсутствие короны не делало его менее опасным, поскольку в его осанке, в каждом движении и даже в том, как он переступал порог камеры, присутствовало нечто такое, что заставляло окружающее пространство подчиняться ему без единого приказа.

Он вошёл внутрь с таким спокойствием, словно находился не в сырой подземной темнице, а в собственном тронном зале, где всё принадлежало ему по праву, и эта уверенность раздражала Селесту почти так же сильно, как его присутствие.

В руках он держал серебряный поднос.

Самый обычный поднос с едой.

Настолько обычный, что это выглядело почти нелепо на фоне всего происходящего.

Селеста продолжала стоять на месте, внимательно наблюдая за каждым его движением, пока Кай неторопливо пересекал камеру, поставил поднос на стол возле стены и лишь после этого поднял на неё взгляд.

И снова произошло что-то странное.

Что-то настолько мимолётное, что она почти убедила себя, будто ей показалось.

Он замер.

Всего на секунду.

Совсем ненадолго.

Но этого оказалось достаточно, чтобы внутри неё зароди-

лось ощущение, будто он проверяет, действительно ли она находится здесь, будто каждый раз, входя в эту камеру, ожидает увидеть пустое помещение и лишь потом убеждается в обратном.

Мысль была настолько нелепой, что Селеста почти рассмееалась.

Почти.

— Если ты собираешься отравить меня, то мог бы не утруждаться и выбрать способ попроще, потому что я сомневаюсь, что пленница представляет для тебя настолько большую ценность, чтобы тратить на неё собственное время.

Несколько секунд Кай просто смотрел на неё, и чем дольше длилось это молчание, тем сильнее ей хотелось отвернуться первой, однако она упрямо выдерживала его взгляд, не желая показывать ни страха, ни слабости.

— Если бы я хотел тебя убить, Селеста, ты была бы мертва ещё до того, как открыла глаза.

Его голос прозвучал удивительно спокойно, без угрозы, без злорадства и без того удовольствия, которое обычно получают люди, напоминая другим о собственной власти, и именно это почему-то раздражало гораздо сильнее, чем любая насмешка.

— Тогда зачем я здесь?

— Потому что здесь безопаснее.

На этот раз она всё-таки рассмееалась, хотя этот смех получился коротким и горьким.

— В темнице безопаснее?

— Да.

— И ты действительно рассчитываешь, что я поверю в это?

Что-то едва заметно изменилось в его лице, и впервые за всё время разговора она увидела эмоцию, похожую на раздражение.

— Нет, — ответил он слишком быстро. — Но именно поэтому ты всё ещё жива.

После этих слов между ними повисла тишина, тяжёлая и неприятная, потому что каждое его объяснение только сильнее запутывало происходящее, а каждый новый ответ рождал десятки новых вопросов, на которые он упорно отказывался давать объяснения.

— Я ничего не помню.

На этот раз её голос прозвучал значительно тише, чем раньше, потому что за яростью постепенно начинала проступать усталость, а за усталостью — страх, который она больше не могла полностью игнорировать.

— Я знаю.

Эти два слова были произнесены настолько тихо, что почти растворились в воздухе, однако именно они заставили её почувствовать себя ещё более потерянной, потому что в них не было ни насмешки, ни удовлетворения, ни торжества победителя, а лишь какая-то глубокая, тщательно скрываемая боль, настолько мимолётная, что уже через секунду Селеста

начала сомневаться, существовала ли она вообще.

Кай отвернулся первым, словно не желая позволять ей слишком долго изучать своё лицо, после чего подошёл к столу и снял крышку с подноса, а уже через мгновение аромат свежего хлеба, тёплого мяса и пряностей распространился по всей камере, мгновенно напомнив Селесте о том, как давно она не ела.

Желудок болезненно сжался.

Настолько сильно, что ей пришлось напрячься, чтобы не показать этого.

Она была голодна.

Унизительно голодна.

Но признавать подобное перед ним не собиралась.

— Ешь.

— Нет.

— Ешь.

— Лучше умру.

Кай медленно поднял голову, и впервые за всё время на его губах появилась едва заметная улыбка, короткая и почти неуловимая, однако настолько настоящая, что на мгновение совершенно изменила его лицо.

— Нет, не умрёшь.

Селеста нахмурилась.

— Откуда такая уверенность?

Несколько секунд он просто смотрел ей в глаза, и от этого взгляда внутри снова появилось то странное чувство, кото-

рое она никак не могла объяснить, а затем Кай тихо произнёс:

— Потому что ты слишком упряма для смерти.

И по какой-то причине именно эти слова заставили её сердце пропустить удар.

На несколько долгих секунд в камере воцарилась тишина, однако теперь она ощущалась совсем иначе, чем раньше, потому что присутствие Кая словно проникало в каждый угол этого тесного каменного помещения, заполняя собой пространство настолько полностью, что Селесте начинало казаться, будто даже воздух вокруг принадлежит ему, а потому каждый вдох давался тяжелее предыдущего, а мысли, которые ещё недавно казались ясными и понятными, постепенно превращались в беспорядочный клубок противоречий, распутать который она была не в состоянии, сколько бы ни пыталась.

Именно поэтому она продолжала смотреть на него дольше, чем следовало бы смотреть на собственного врага, пытаясь понять, что именно в этом человеке заставляет её испытывать столь странное чувство тревоги, потому что чем больше она наблюдала за ним, тем сильнее ощущала, что перед ней находится кто-то совершенно не похожий на того безжалостного узурпатора, которого она успела нарисовать в своём воображении за те часы, проведённые в темнице.

В её представлении человек, сумевший захватить целое королевство, свергнуть правящую династию и занять трон,

должен был выглядеть иначе — самодовольным, жестоким, опьянённым собственной победой настолько, что это читалось бы в каждом движении, в каждом взгляде и в каждой произнесённой фразе, однако мужчина, который сейчас стоял всего в нескольких шагах от неё, казался скорее человеком, вынужденным тащить на плечах груз, слишком тяжёлый даже для него самого, и именно эта усталость, тщательно спрятанная под маской холодного равнодушия, почему-то бросалась в глаза гораздо сильнее любых признаков власти.

Осознав, в каком направлении движутся её мысли, Селеста мгновенно разозлилась на саму себя, потому что подобные рассуждения были не просто глупыми — они были опасными, ведь её родители мертвы, она сама заперта в сырой камере, а человек, который несёт за это ответственность, находится прямо перед ней, и одного этого должно было хватить для ненависти, презрения и желания увидеть его голову насаженной на дворцовую пику в назидание каждому, кто когда-либо посмеет поднять руку на корону.

И всё же что-то мешало.

Что-то едва уловимое и раздражающее, словно где-то на самой границе сознания существовало воспоминание, до которого оставался всего один шаг, однако стоило ей приблизиться, как оно тут же растворялось, оставляя после себя лишь неприятное ощущение незавершённости.

Кай тем временем продолжал стоять возле стола с тем спокойствием, которое постепенно начинало действовать ей на

нервы сильнее любых угроз, потому что он не пытался приблизиться, не требовал ответов, не наслаждался её положением и вообще не вёл себя так, как должен вести себя человек, держащий в плену принцессу свергнутой династии, словно единственным, что действительно его заботило, оставался стоящий между ними поднос с едой.

Если он действительно был её тюремщиком, почему не получал удовольствия от её страха?

Почему не пытался сломать её гордость?

Почему не наслаждался её унижением?

Почему вместо этого просто ждал?

Терпеливо.

Спокойно.

Так, будто был уверен, что время всё сделает за него.

Именно это ожидание раздражало её больше всего.

— Ты собираешься так смотреть на меня весь день?

Вопрос сорвался с губ прежде, чем она успела его остановить, и в ту же секунду пожалела об этом, потому что Кай медленно поднял взгляд от стола и посмотрел на неё так внимательно, словно с самого начала знал, что она наблюдает за ним.

— А ты собираешься весь день делать вид, что не голодна?

От спокойствия, прозвучавшего в его голосе, ей захотелось швырнуть в него чем-нибудь тяжёлым.

— Ненавижу тебя.

Эти слова прозвучали резко и почти автоматически, од-

нако вместо ожидаемой реакции Кай лишь слегка склонил голову набок, словно услышал что-то давно знакомое.

— Это уже было.

— И повторится ещё много раз.

— Не сомневаюсь.

Его невозмутимость раздражала настолько сильно, что Селеста почувствовала почти физическую потребность вывести его из себя, увидеть хотя бы одну трещину в этой идеально выстроенной маске безразличия и убедиться, что под ней всё ещё скрывается живой человек, способный чувствовать боль так же остро, как чувствует её она сама.

— Ты убил их?

Слова прозвучали неожиданно тихо, однако эффект от них оказался мгновенным.

Если бы Селеста не следила за ним так внимательно, то, возможно, никогда бы не заметила, как он замер всего на долю секунды, но этого оказалось достаточно, чтобы понять — вопрос достиг цели.

— Моих родителей.

На этот раз Кай не отвёл взгляд, не скрылся за насмешкой и не ответил очередной загадкой, однако и правды не сказал.

— Сейчас тебя должен волновать другой вопрос.

Селеста почувствовала, как внутри снова начинает закипать ярость.

— Меня волнует только этот.

На его челюсти едва заметно напряглась мышца, и именно

эта крошечная реакция заставила её сердце забиться быстрее, потому что впервые за весь разговор ей удалось задеть его по-настоящему.

— Почему ты не отвечаешь?

Молчание между ними растянулось настолько сильно, что она уже решила, будто ответа не будет вовсе, однако спустя несколько долгих секунд Кай всё же произнёс:

— Потому что ты всё равно не поверишь.

Селеста коротко и горько рассмеялась, ощущая, как усталость постепенно смешивается с раздражением.

— Удобный ответ.

— Возможно.

— Тогда попробуй.

Он смотрел на неё долго.

Настолько долго, что в какой-то момент ей действительно показалось, будто сейчас он наконец расскажет что-то важное, что-то способное перевернуть весь её мир и заставить взглянуть на происходящее иначе.

Но вместо этого он лишь медленно покачал головой.

— Не сейчас.

Кай услышал приближающиеся шаги в тот же самый момент, что и она, однако если Селеста лишь насторожилась, пытаясь понять, кто может явиться в темницу в столь поздний час, то с ним произошло нечто куда более странное, потому что всего за одно короткое мгновение человек, который ещё секунду назад стоял перед ней почти вплотную и

смотрел так, будто видел не пленницу, а призрак собственно-го прошлого, исчез без следа, уступая место кому-то совершенно другому — холодному, непроницаемому и настолько опасному, что даже воздух вокруг словно стал тяжелее.

Селеста не смогла бы объяснить, что именно изменилось в нём, потому что его лицо осталось тем же самым, как и прямая линия плеч, и спокойная осанка человека, привыкшего контролировать любую ситуацию, однако взгляд потемнел настолько резко, что по позвоночнику невольно пробежал холодок, а все те странные эмоции, которые она замечала раньше — усталость, горечь, что-то похожее на сожаление, — оказались надёжно скрыты за маской, которую он явно носил уже очень давно и настолько хорошо к ней привык, что окружающие, вероятно, давно перестали замечать её существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.